РАФАЕЛ МЕСРОПЯН

ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

Армянская история
и политическая близорукость

Рафаел Месропян

ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

«Автор»
2026

Месропян Р.

ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ / Р. Месропян — «Автор», 2026

Почему народ, сохранивший свой язык, культуру и память, так часто терял возможность распоряжаться собственной судьбой? С этого вопроса начинается мой разговор об армянской истории.Я родился и вырос в Арцахе. Для меня история переселений, утраты дома и борьбы за государственность связана с живыми людьми и семейной памятью. Обращаясь к событиям разных веков, я пытаюсь понять, как внешнее давление, внутренние разногласия и решения правителей меняли нашу жизнь. Почему ближайшая выгода порой оказывалась важнее общего будущего? И что из этого опыта мы способны понять сегодня?В книге исторические сведения соседствуют с личными воспоминаниями и размышлениями о прочитанных произведениях. Отдельные главы посвящены Амарасу, Дадиванку, Гандзасару и другим памятникам Арцаха. Карты, хронология и ссылки на источники помогают продолжить разговор и проверить изложенное.Издание объединяет полный русский текст и армянскую литературную версию, передающую смысл и интонацию автора.

© Месропян Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Содержание 6
Содержание продолжение 7
Перед началом 8
Карта 1 Четыре направления переселений 9
1 Сколько лет у нас не было государства 10
2 Каждый суслик агроном 11
3 Что я вижу за именем Вардана 12
4 Вернули царство и снова потеряли 13
5 Киликия и способность начать заново 14
6 Между воюющими державами 15
7 Когда человека переселяют как имущество 16
8 Союз против своего 17
9 Крым и Нахичевань на Дону 18
10 Чего мы ждали от России 19
11 От Карина к Джавахку 20
12 Хамшен и разделившиеся дороги 21
13 Как армяне оказались у Сочи и в Абхазии 22
Карта 2 Хамшен и Черноморское побережье 23
14 Когда границу проводят за столом 24
15 Уходили раньше чем пришла катастрофа 25
16 Республика и решения принятые за людей 26
17 Государство земля и память 27
18 Историю нельзя отменить заявлением 29
19 Имена мест и судьбы людей 32
Карта 3 География Южного Кавказа 33
20 Когда молодые не возвращаются 34
21 Сначала делают трудной саму жизнь 35
22 Цифры которые заставляют уточнить вопрос 36
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Рафаел Месропян
ЗЕРКАЛО ИСТОРИИ

Рафаел Месропян
Зеркало

истории
Армянская история

и политическая близорукость
От первых веков нашей эры

до современности
Авторские размышления

о государственности и переселениях

с картами и литературными параллелями
Дополненная авторская редакция

13 ноября 2026 года

Содержание

Перед началом 5
Карта 1 Четыре направления переселений 7
1 Сколько лет у нас не было государства 8
2 Каждый суслик агроном 9
3 Что я вижу за именем Вардана 10
4 Вернули царство и снова потеряли 11
5 Киликия и способность начать заново 12
6 Между воюющими державами 13
7 Когда человека переселяют как имущество 14
8 Союз против своего 15
9 Крым и Нахичевань на Дону 16
10 Чего мы ждали от России 17
11 От Карина к Джавахку 18
12 Хамшен и разделившиеся дороги 19
13 Как армяне оказались у Сочи и в Абхазии 20
Карта 2 Хамшен и Черноморское побережье 22
14 Когда границу проводят за столом 23
15 Уходили раньше чем пришла катастрофа 24
16 Республика и решения принятые за людей 25
17 Государство земля и память 27
18 Историю нельзя отменить заявлением 30
19 Имена мест и судьбы людей 34

Содержание продолжение

Карта 3 География Южного Кавказа 35
20 Когда молодые не возвращаются 36
21 Сначала делают трудной саму жизнь 37
22 Цифры которые заставляют уточнить вопрос 38
23 Друг который советовал уехать 39
24 Победа и то что должно идти после неё 40
25 Арцах после 2020 года 41
26 Что я узнаю в сегодняшних спорах 42
27 Почему мы разные и что у нас общее 44
28 В чём виноват человек родившийся позже 45
29 Политическая близорукость 46
30 Книги с которыми продолжается разговор 47
31 Тактика и будущее 48
32 Что мы оставим после себя 50
Литература для продолжения разговора 52
Краткая хронология 54
Договоры и разные виды территориальных решений 57
Названия которые важно не смешивать 58
Поселения в памяти собеседников 59
Как продолжить проверку личных свидетельств 59
Карты и пределы их прочтения 60
Источники и примечания 61
Когда своей судьбой

иногда распоряжаются другие…
Рафаел Месропян

Перед началом

Когда я начал вести блог, люди стали спрашивать меня о том, что происходит с нами сейчас. Почему мы снова оказались в таком положении? Кто виноват? Этот руководитель или тот? Кто предал, кто не понял, кто должен был поступить иначе?

Я слушал эти вопросы и задавал их себе. Я армянин. Я родился и вырос в Арцахе. Мне невозможно говорить о своей земле так, словно речь идёт о незнакомой стране, которую я однажды нашёл на карте. Но чем больше мы спорили о сегодняшних фамилиях, тем сильнее мне хотелось отойти немного назад. А потом ещё дальше. Если похожая беда приходила к нам задолго до рождения нынешних политиков, достаточно ли назвать одного человека, чтобы её понять?

Так я и взялся за историю. Не ради того, чтобы выучить даты и при случае блеснуть знаниями. Мне хотелось разобраться, почему народ, который сумел столько создать и сохранить, так часто терял возможность распоряжаться собственной жизнью. Почему наши семьи оказывались в Персии, в Крыму, на Дону, на Черноморском побережье. Что происходило прежде, чем человек решался оставить дом? И почему, читая о далёких временах, я вдруг узнавал знакомые разговоры?

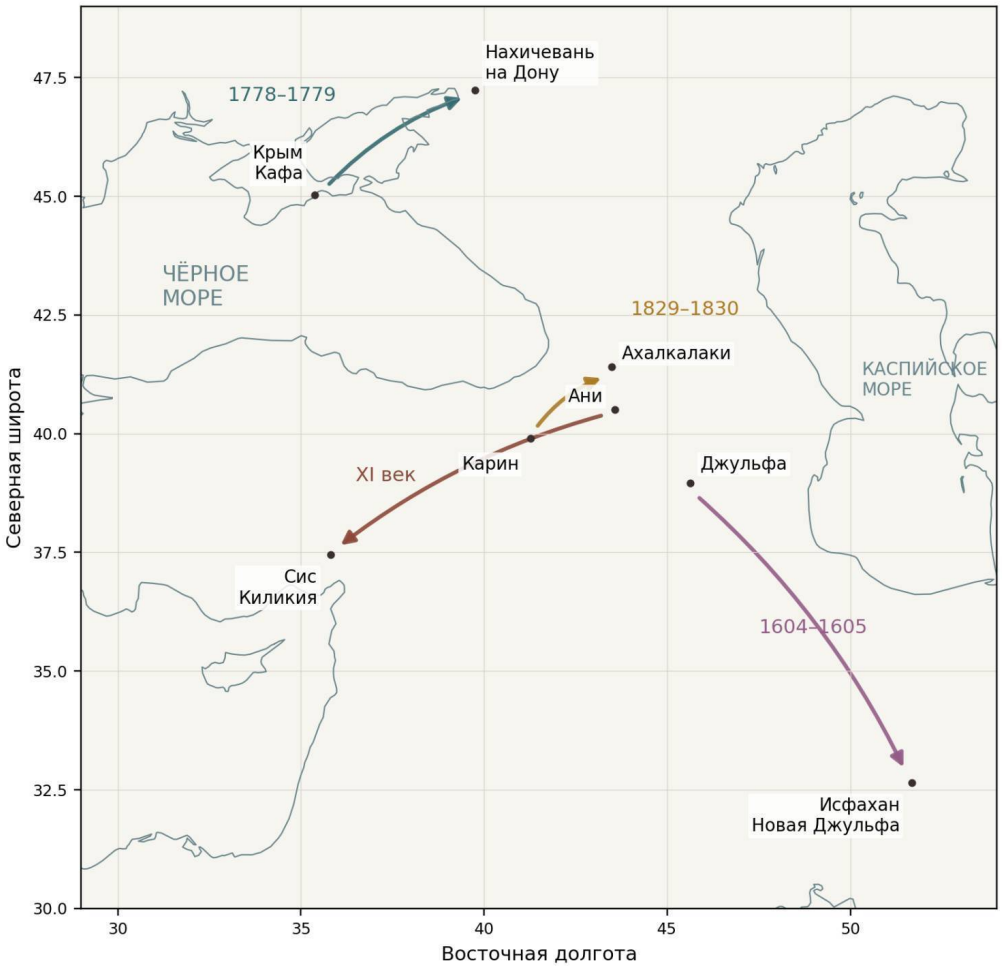
В армянских книгах, которые я читал, были и сильные люди, и верность, и предательство. «Самвел», «Давид-Бек», «Сорок дней Муса-Дага», Туманян — к этим произведениям я возвращаюсь уже со своими вопросами. Теперь мне мало пережить судьбу героя. Хочется понять, как общество дошло до положения, в котором от мужества одного человека зависело так много.

Скажу сразу: меня многое огорчает. Огорчает наша неспособность вовремя договориться. Огорчает готовность искать защиту у сильного соседа, не думая, что он попросит взамен. Огорчает, когда победу своей группы принимают за победу всего народа. Об этом я и буду говорить. Любовь к своим не обязывает меня закрывать глаза.

Но я не собираюсь объявлять свой народ плохим. В таком приговоре нет будущего. Если мы будто бы навсегда устроены неправильно, зачем вообще что-то менять? Меня интересуют поступки и привычки, которые мы передаём дальше, иногда даже не замечая этого. Привычку можно увидеть. Решение можно пересмотреть. Поэтому я и пишу.

Исторические сведения в этой книге имеют ссылки. Мои воспоминания и выводы звучат от моего имени. Я не видел все века, о которых рассказываю, и не стану притворяться очевидцем чужой судьбы. Но я имею право сопоставить прочитанное со своей жизнью и сказать, что думаю. А читателю оставляю право возразить и продолжить этот разговор.

Карта 1 Четыре направления переселений

Показаны направления: в Киликию в XI веке; из Джульфы в глубь Ирана в 1604–1605 годах; из Крыма на Дон в 1778–1779 годах; из Карина к Ахалкалаки в 1829–1830 годах. Сис обозначает киликийский центр, а не единственный пункт прибытия. Стрелки условные, не изображают точные дороги. Источники: [3, 6, 9, 12–14, 40, 42].

Север — сверху. Географическая сетка дана в градусах. Политические границы разных эпох не смешиваются.

1 Сколько лет у нас не было государства

Всё началось с вроде бы простого вопроса: сколько лет армяне жили без своего государства? В разговоре прозвучало — около семисот. Я хотел понять, чем объясняется такой долгий промежуток. Но прежде пришлось разобраться с самим числом.

От утраты Анийского царства в 1045 году до провозглашения Республики Армения в 1918-м прошло 873 года. Однако внутри этого времени существовало армянское государство в Киликии. Если считать от падения Киликийского царства в 1375 году, получится 543 года. Единого отрезка в семьсот лет, который можно просто обвести на календаре, здесь нет. [3, 40, 41]

Я не разочаровался в вопросе из-за того, что первое число оказалось неточным. Наоборот, вопрос стал серьёзнее. Оказывается, власть не исчезала одним движением и не возвращалась сразу во всей своей полноте. Оставались княжеские владения, церковные центры, общины. Где-то люди сохраняли собственное управление, но зависели от чужого правителя. Где-то сохраняли язык и веру, а важнейшие решения за них принимали другие.

Вот что я понимаю под потерей: ты продолжаешь жить на своей земле, но уже не ты определяешь, кому она будет подчиняться, сколько с тебя возьмут и чья армия придёт завтра. Народ существует, а возможности защитить его общим решением не хватает.

И ещё я поправил собственную мысль. Нельзя сказать, что общего царя у нас вообще не было. Цари были. Государства были. Значит, надо спрашивать иначе: почему общая власть так часто не удерживала вместе тех, кто был связан одной страной? Почему отдельный хозяин считал своё положение важнее судьбы целого? С этим вопросом я и пошёл дальше.

2 Каждый суслик агроном

Я однажды выразился грубовато, но, по-моему, понятно: каждый суслик — агроном. Каждый знает лучше всех. Каждый у себя хозяин. Пока речь идёт о собственном огороде, это можно даже похвалить. Но что получается, когда рядом сильный противник, а общий дом защищать некому, потому что хозяева выясняют, кто из них главнее?

В древней Армении нахарары были наследственной знатью. У крупных родов имелись владения, военные силы, должности и влияние. Они могли защищать свою область, поддерживать её жизнь, сохранять преемственность. Это была настоящая сила. Но собрать такие силы вокруг общего решения было непросто. [1]

Армения находилась между Римом и Парфией, позднее — между Римской державой и Сасанидским Ираном. Соседи боролись за влияние на армянский престол. Местные правители, в свою очередь, искали у них опору. В 387 году Армения была разделена между римской и персидской сферами. В восточной части монархия сохранялась до 428 года; в её прекращении участвовала армянская знать, действовавшая через персидскую власть. [2]

Меня задевает именно эта сторона истории. Не только чужая сила пришла и отняла. Внутри страны были люди, которые надеялись с помощью чужого государя решить свой спор с собственной царской властью. Они могли считать себя дальновидными. Но ближайшая выгода рода и сохранение общей самостоятельности — совсем разные результаты.

Я не знаю мыслей каждого участника и не стану приписывать всем один кошелёк с чужими деньгами. Мне достаточно увидеть саму опасность: чтобы справиться со своим, мы усиливаем того, кто потом сможет распоряжаться нами обоими. Здесь для меня начинается разговор о политической близорукости.

Географию мы не выбирали. От соперничества огромных держав нельзя было избавиться одним призывом к единству. Но тем дороже должна была быть способность договариваться между собой. Если сильные соседи и без того смотрят на твою землю, стоит ли ещё помогать им пользоваться твоими распрями?

3 Что я вижу за именем Вардана

Имя Вардана Мамиконяна для меня связано не только с датой Аварайрской битвы. Когда читаешь о той эпохе, встречаешь знакомые вопросы: что сохранить, чем можно уступить, кому верить и где заканчивается осторожность и начинается отказ от своих?

Христианство, принятие которого армянская церковная традиция относит к 301 году, и создание алфавита Месропом Маштоцем около 405 года дали народу долговечную опору. Точная дата обращения в христианство обсуждается историками, но значение этой перемены несомненно. У нас появилась возможность передавать свою веру и мысль собственным письмом. [2, 4]

В V веке давление Сасанидской власти вызвало сопротивление. В 451 году произошла Аварайрская битва. Дальнейшая судьба армянского христианства складывалась также через последующую борьбу и переговоры. Она не решилась окончательно в один день. [4]

В «Вардананке» Дереника Демирчяна эта история становится человеческим столкновением: за решениями стоят характеры, страхи, интересы, убеждения. Роман помогает почувствовать напряжение выбора. Но разговоры героев принадлежат художественному произведению; исторические сведения я сопоставляю с исследованиями. [44]

Меня здесь тревожит вопрос, который остаётся и сегодня. Когда люди, называющие себя защитниками одного народа, ведут его в разные стороны, как самому народу понять, кому доверять? Одних уверенных слов мало. Нужно смотреть, чем человек рискует сам, что сохраняет для других и какую зависимость оставляет после себя.

И всё-таки эта эпоха не даёт мне права сказать, что мы способны только ссориться. Письменность, церковная жизнь, сохранение веры пережили тех, кто их создавал и защищал. Разве это не работа на будущее? Поэтому, когда дальше я буду говорить о недостатке стратегии, я буду иметь в виду прежде всего политическую защиту общей жизни. Дальнего замысла в нашей культуре я отрицать не могу: я сам пользуюсь его плодами.

4 Вернули царство и снова потеряли

В IX веке ослабление Арабского халифата открыло новые возможности. В 884–885 годах Ашот Багратуни получил царское признание. Армянская монархия восстановилась. Для меня это важное возражение любому разговору о нашей якобы врождённой неспособности создать государство. Создали. Значит, могли. [3]

Но восстановление царства не отменило соперничества владений и династий. Существовали отдельные политические центры. Ани стал выдающимся городом, однако сила одного центра не делала все армянские земли единым целым. На этом фоне усиливались Византия и новые завоеватели. [3]

В 1045 году Византия присоединила Анийское царство. В 1064 году Ани взяли сельджуки. Между этими событиями девятнадцать лет. Когда произносишь их подряд, особенно ясно видишь: утрата собственной власти и последующее военное разорение — разные этапы. Переход под власть более сильного соседа сам по себе не обеспечил защиты. [3, 4]

Я не могу знать, какой исход был возможен при каждом другом решении. Но могу спросить: что именно считали приобретением люди, соглашавшиеся на новую зависимость? Защиту страны или безопасность собственного положения? Как проверяли обещания? Кто думал о том, что будет после смены правителя у соседа?

Роман Мурацана «Геворг Марзпетуни», обращённый к Армении X века, важен для меня именно вопросом объединения. В его центре человек, способный работать ради общего дела, когда одних царских полномочий недостаточно. Я вижу здесь художественный ответ на свою тревогу: общая сила появляется не из одновременного исчезновения всех разногласий. Её приходится создавать, убеждая людей и принимая ответственность. [43]

Мне больно читать об утрате Ани. Но ещё больнее было бы пройти мимо того, что ей предшествовало, и оставить потомкам только красивую печаль о потерянном городе.

5 Киликия и способность начать заново

После падения Ани история армянской власти не закончилась. Часть знати и населения перемещалась в византийские владения, в том числе в Киликию на северо-востоке Средиземноморья, где армянские общины существовали и раньше. Там сложилось княжество, а в 1198 году — царство. [3, 40]

Я задерживаюсь на этом месте потому, что оно не позволяет мне свести нашу историю к непрерывному поражению. Люди сумели организовать новую государственную жизнь. Налаживали управление и торговлю, заключали союзы, защищались. Они делали больше, чем просто сохраняли память об оставленном доме.

Киликийское царство жило среди сложных отношений с соседями, крестоносцами и монгольскими правителями. В 1375 году мамлюки взяли столицу Сис. Последнее средневековое армянское царство прекратило существование. [40]

Но века его существования нельзя вычеркнуть ради удобного вывода, будто мы никогда ничего не могли. Я хочу понять свои слабости, а не обеднить историю до их перечня. Умение собраться, создать учреждения и удерживать государство у нас тоже было. Значит, дело не в невозможности, заложенной от рождения.

Есть здесь и другое чувство. Когда мы гордимся тем, как прекрасно армяне устраиваются на новом месте, я всегда думаю об оставленном. Я рад их способности подняться. Но хотелось бы, чтобы эта способность не требовала каждый раз сначала потерять прежнюю жизнь.

Карта переселений поэтому движется не только на север. Киликия — западный путь. Персия даст нам южный. Крым, Дон, Джавахк и Черноморское побережье — другие направления. За каждой стрелкой свой выбор, своё давление и своя цена. Нельзя собрать их в одну красивую линию и забыть, сколько раз человеку приходилось начинать сначала.

6 Между воюющими державами

Когда я перечисляю соседние силы — римляне, парфяне, персы, арабы, турки, позднее Россия, — получается почти вся история нашего вопроса. Но они действовали в разные века и в разных политических формах. Нам важно не спутать времена, иначе вместо истории получится одна бесконечная война со всеми сразу.

После средневековых царств армянские земли переживали власть монгольских и туркменских объединений, походы Тимура, затем соперничество Османской и Сефевидской держав. Менялись границы, налоги, правила подчинения и возможности местных общин. [4]

Для меня главный вопрос здесь земной. Как человек мог планировать жизнь, если над его домом раз за разом проходила чужая борьба? Посадить сад — уже решение на годы вперёд. Вырастить ребёнка — ещё более долгий труд. А судьба всей этой работы могла зависеть от соглашения, в обсуждении которого семья никогда не участвовала.

Война разрушала хозяйство, но и после ухода армии жизнь не обязательно становилась пригодной. Разорение, поборы, неуверенность в защите могли продолжать выталкивать людей. Поэтому я хочу смотреть не только на даты сражений. Мне важно, что происходило между ними. В эти промежутки тоже решалось, останется ли населённым село.

При этом города, ремесло, монастыри и торговля продолжали жить. В Арцахе сохранялись княжеские, позднее меликские владения. Их местная власть помогала удерживать жизнь, хотя не равнялась независимости всего народа. [4, 5]

Я уважаю тех, кто сумел что-то защитить в тяжёлых условиях. Но не хочу путать способность приспособиться с надёжностью положения. Человек может удивительно стойко жить под чужой властью и всё равно оставаться зависимым от чужого решения. Вот почему разговор о государстве для меня не сводится к гербу и красивому названию.

7 Когда человека переселяют как имущество

История шаха Аббаса I заставила меня особенно остро почувствовать, что скрывается за спокойным словом «переселение». Во время войны с Османской империей в 1603–1605 годах, прежде всего в 1604-м, население ряда областей насильно перемещали в глубь Ирана. Среди переселённых были жители Джульфы на Араксе. Разорение оставляемых земель должно было затруднить снабжение противника. [6, 7]

То есть человек мог оказаться неудобен на одном месте и полезен на другом. Его хозяйство, труд и семья включались в чужой военный расчёт. Он не выбирал себе новую родину. За него решали, где теперь будет его жизнь.

Рядом с Исфаханом возникла Новая Джульфа. Армянская община развила торговлю, церковную и культурную жизнь; купеческие связи охватывали большие расстояния. Это часть нашей истории, которой можно гордиться. [6, 8]

Но я не могу сделать из последующего успеха оправдание первоначального насилия. Если человек сумел построить новый дом, прежний дом от этого не перестаёт быть потерянным. Иногда о наших общинах рассказывают так восторженно, что сама причина их появления уходит куда-то на задний план. Я хочу вернуть её в разговор.

Здесь перед нами прямое принуждение государства. В других главах речь пойдёт о медленном ухудшении условий, при котором люди уходят сами. Я различаю эти способы, но задаю им общий вопрос: сколько у человека оставалось действительной возможности жить там, где он хотел?

И ещё: никакая внутренняя ссора армян не делает насильственное переселение справедливым. Я могу предъявлять вопросы своим предкам и одновременно называть поступок чужой власти насилием. Одно другого не отменяет.

8 Союз против своего

В истории Арцаха меня остановило имя мелика Шахназара II. Его союз с Панах-ханом в XVIII веке связан с укреплением Карабахского ханства и изменением положения армянских меликств. Историк Артак Магалян рассматривает этот союз и его тяжёлые последствия для меликств Хамсы. [5]

Для меня это пример того, что в нашей беседе прозвучало очень просто: один свой идёт с неприятелем против другого своего. Я понимаю, что участники имели собственные объяснения, страхи и расчёты. Но когда укрепление личной власти оплачивается ослаблением общей защиты, я называю это предательством общего дела. Это моя оценка поступка, а не попытка прочитать все мысли человека XVIII века.

Что получает приглашённая сила? Возможность закрепиться там, куда иначе было бы труднее войти. Что получает местный участник? Преимущество в ближайшем споре. И вот это несовпадение сроков меня поражает: один рассчитывает победить соседа сейчас, другой приобретает влияние над всей местностью надолго.

Здесь я и узнаю действие принципа «разделяй и властвуй». Не обязательно представлять тайный план, написанный на столетия вперёд. Достаточно сильной стороне воспользоваться готовым расколом. Особенно удобно, когда участники раскола сами просят вмешаться.

Мне недостаточно сказать: виноват Шахназар, а дальше всё произошло само собой. После него были другие люди и решения. Но и растворять конкретный поступок в бесконечном «всё сложно» я не хочу. Если мы не способны осудить продажу общего будущего за частную выгоду, как мы собираемся замечать похожий расчёт сегодня?

Раффи посвятил меликствам Хамсы отдельный исторический труд. Его стоит читать рядом с более поздними исследованиями: так видно и сам сюжет, и то, как его осмысляли разные поколения. К этому кругу книг я ещё вернусь. [55]

9 Крым и Нахичевань на Дону

Меня интересовало, как армянская Нахичевань появилась рядом с Ростовом. Первое, что пришлось развести, — два одинаково звучащих названия. Нахичевань-на-Дону основали переселенцы из Крыма. Это не прямое переселение населения Нахичевана на Араксе в донские земли. [9, 10]

Армянские общины Крыма складывались не одной волной. У разных семей могли быть разные дороги. В 1778 году российская власть организовала переселение христиан из Крыма, в том числе армян и греков; организацией занимался Александр Суворов. Это было до присоединения Крыма к Российской империи в 1783 году. [9]

В 1779 году армянские переселенцы получили грамоту Екатерины II и права на устройство поселения у Дона. Возник Новый Нахичеван, позднее Нахичевань-на-Дону, рядом появились армянские сёла. Новая община создавала городскую жизнь, торговлю, ремесло и собственные общественные учреждения. [9, 10]

Я смотрю на это с уважением. Организовать совместную жизнь на новом месте — серьёзное дело. Оно само по себе опровергает мысль, будто мы вообще не умеем объединяться. Но тогда мой вопрос становится ещё настойчивее: почему мы способны столько построить после потери, а предотвратить саму потерю удаётся далеко не всегда?

Империя имела свои цели — хозяйственное развитие и заселение новых территорий. Для семей же переселение означало разрыв с прежней средой. Нельзя одинаково описать согласие и обстоятельства каждой семьи. Но за государственным решением в любом случае стояли люди, которым предстояло заново устраивать быт.

Мне хочется, чтобы читатель, услышав название донского города, видел не только удачную историю общины. В этом названии есть и память о дороге. Благополучие потомков не стирает вопроса, насколько свободен был выбор предков.

10 Чего мы ждали от России

Россия двигалась на юг, и её интересы пересекались с надеждами армян. Для человека, жившего в опасности, появление сильной державы могло означать возможность более надёжной защиты. Я понимаю такую надежду. Легко рассуждать о независимости, когда тебе не нужно решать, кто защитит твою семью завтра.

Русско-персидские войны 1804–1813 и 1826–1828 годов изменили Южный Кавказ. По Гюлистанскому договору 1813 года Персия признала переход ряда территорий, включая Карабахское ханство, под власть России. По Туркманчайскому договору 1828 года Россия получила Эриванское и Нахичеванское ханства. [4, 11]

Но независимого армянского государства тогда не возникло. Эти земли вошли в империю. После войны происходило и переселение армян из Персии в российские владения. Значит, движение шло не только из армянских областей: некоторые общины пополнялись. [4, 11]

В «Ранах Армении» Хачатура Абовяна эпоха русско-персидской войны 1826–1828 годов показана через страдание и надежду на освобождение. Мне важно видеть эту надежду из её времени, а не осуждать людей за то, что они не знали всего последующего. [47]

И всё же надежда не должна освобождать нас от собственного расчёта. У большой державы свои границы, своя безопасность, свои торговые пути. Пока её интерес совпадает с нашим, помощь может быть реальной. Но что произойдёт, если совпадение закончится?

Я не хочу свести Россию к одному слову — спаситель или виновник. Я хочу понять, какую часть собственной безопасности мы отдавали на чужое усмотрение. Благодарность за помощь не требует верить в вечность любого союза. А разочарование в союзнике не заменяет вопроса к себе: что мы создали за время, когда рассчитывали на его поддержку?

11 От Карина к Джавахку

Когда я стал разбираться в происхождении армянских общин Джавахка, оказалось, что нельзя начинать их историю только с 1915 года. Заметная переселенческая волна связана с войной 1828–1829 годов и её последствиями.

По Адрианопольскому миру Россия удержала Ахалцихе и Ахалкалаки, но вернула ряд занятых османских территорий, в том числе Эрзурум — армянский Карин. Статья XIII договора предусматривала амнистию и возможность переселиться с имуществом в течение восемнадцати месяцев. [12]

В 1829–1830 годах множество армянских семей из Карина и соседних районов направилось в российские владения. Среди организаторов переселения был архиепископ Карапет Багратуни. Часть людей поселилась в Джавахети, армянское название которой — Джавахк. Армянское присутствие там существовало и раньше; новая волна заметно изменила жизнь региона. [13, 14]

До геноцида оставалось более восьмидесяти лет. Для меня эта дата важна: история ухода началась гораздо раньше катастрофы, которой мы обычно объясняем всё сразу. Но и здесь нельзя забыть конкретное обстоятельство — только что закончилась другая война. Люди решали, насколько безопасно им оставаться после ухода русской армии.

В договоре можно записать защиту оставшихся. Гораздо труднее вернуть людям доверие к тому, что защита будет действовать. Я представляю сам вопрос, без выдуманной сцены: остаться рядом с предками или уйти туда, где, возможно, будет спокойнее детям? У семьи нет десятилетий для проверки дипломатического обещания.

Вот почему мирный договор я хочу читать не только глазами того, кто его подписывает. Для держав война завершена. Для человека решение о доме только начинается. И его отъезд нельзя автоматически принять за доказательство того, что прежнее место никогда не было его родиной.

12 Хамшен и разделившиеся дороги

Хамшен заставил меня отказаться от слишком простой картины переселений. Иногда речь идёт об одном приказе и одной дороге. Здесь перед нами история, которая складывалась поколениями.

Хамшен, или Хемшин, связан с горной областью у Ризе на юго-востоке Чёрного моря. Историческая традиция относит появление армянского княжеского центра к концу VIII века и связывает его с переходом людей в византийские владения. Позднее община долго жила в особой местной среде. [15, 16]

При османской власти часть населения постепенно принимала ислам. Исследования относят значительные этапы этого процесса преимущественно к XVII–XVIII векам, хотя по местностям сроки различались. Нельзя представить, будто в один день половина людей переменила веру, а другая половина собралась и ушла. [15, 16]

Часть христианских семей перемещалась в другие районы османского Причерноморья. Позднее появились дороги на Кавказское побережье. Между этими этапами могли пройти поколения. Обсуждаемые исследователями условия включают налоговое неравенство, местное давление и ослабление церковной организации; личные обстоятельства семей не были одинаковыми. [16, 17]

Мне важно увидеть здесь, что изменение общины не обязательно начинается с большого сражения. Достаточно того, что прежнюю жизнь становится всё труднее продолжать. Меняется вера, язык, место жительства. Потомки оказываются далеко друг от друга, хотя когда-то их семьи принадлежали одной среде.

Это не даёт мне права распоряжаться сегодняшним самоопределением людей хамшенского происхождения. Но даёт повод спросить, сколько исторических перемен мы не замечаем, когда открываем учебник только на страницах войн. Внешне мирное десятилетие тоже может унести то, что потом уже не вернуть одним решением.

13 Как армяне оказались у Сочи и в Абхазии

На Черноморском побережье вопрос о происхождении армянских семей быстро приводит к Хамшену, Трапезунду, Орду, Самсуну. Но это не одна и та же точка и не одна дата переселения. Непосредственное место выезда семьи ещё не рассказывает всей её предшествующей истории.

Переселение христианских хамшенцев на российское Кавказское побережье происходило уже в XIX веке. В источниках встречаются 1860-е и 1870-е годы как начало заметных потоков в разные части побережья. Новые волны были связаны с преследованиями конца XIX века и геноцидом 1915 года. [17, 18]

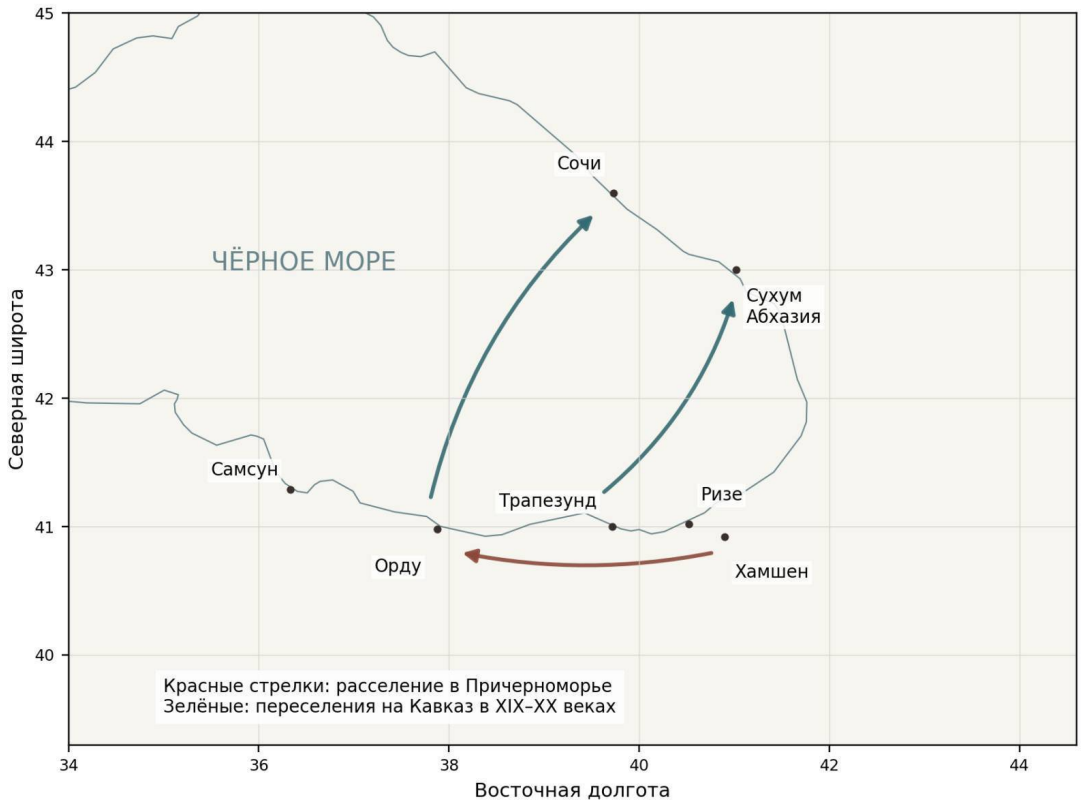
Вот что меня интересовало: люди уходили до 1915-го. Значит, вопрос о причинах ухода нельзя целиком поместить в один страшный год. Нужно смотреть на предшествующую жизнь, местные притеснения, возможности заработка и безопасность. При этом дата переселения сама по себе ещё не расскажет, что пережила конкретная семья.

Не все армяне Сочи и Абхазии — хамшенцы. Здесь соединялись разные группы и более поздние переселенцы. Мне нравится узнавать эти различия, потому что за ними появляется живая история, а не готовая табличка на целый народ. [18]

Есть и трудная часть рассказа о месте прибытия. Кавказское побережье не было пустым. Российское завоевание сопровождалось массовым уходом или изгнанием части коренного населения в Османскую империю. Армянские истории обретённого убежища оказались рядом с чужими историями утраты. [19]

Я не теряю от этого права говорить о нашей боли. Но и чужую боль не хочу стирать ради удобства. Когда знаешь, что значит потерять дом, тем более должен понимать, почему другой человек дорожит своим. Государственная политика распоряжается пространством, а потом семьи разных народов десятилетиями несут её последствия.

Карта 2 Хамшен и Черноморское побережье

Сначала часть христианских семей перемещалась из Хамшена в другие районы османского Причерноморья. Позднее переселенческие потоки направлялись на Кавказское побережье. Между этапами могли пройти поколения. Стрелки не означают, что все семьи прошли одинаковый путь. Источники: [15–19, 42].

Север — сверху. Географическая сетка дана в градусах. Политические границы разных эпох не смешиваются.

14 Когда границу проводят за столом

В разговорах о прошлом постоянно возникает фраза: нас снова отдали, обменяли, поделили. Я понимаю чувство, стоящее за этими словами. Но хочу знать, какое решение произошло на самом деле. Иначе негодование будет направлено не по адресу.

В 1829 году Россия возвратила Османской империи ряд занятых во время войны городов. В 1856-м возвращала Карс, а союзники — занятые российские города, включая Севастополь. Передачи самого Крыма Турции тогда не было. [12, 20]

В 1878 году Берлинский трактат закрепил переход Карса, Ардагана и Батума к России, но Баязет и Алашкертская долина после пересмотра предварительных условий остались Османской империи. Статья 61 говорила о реформах и защите армян в османских провинциях. Обещание появилось на бумаге; надёжность защиты нужно оценивать уже по последующим событиям. [21]

В 1918 году Брест-Литовский договор изменил положение Карсского, Ардаганского и Батумского округов. Затем войны и решения снова меняли власть. В 1921 году Московский и Карсский договоры закрепили новую советско-турецкую границу и положение Нахичевана. [11, 22]

Позднейшая редемаркация границы СССР и Турции в 1967–1973 годах касалась небольших участков и компенсации площадей. Её не следует описывать как уступку целой исторической области. [23]

Сведения о договорах я собрал в приложении. А в самом рассказе хочу удержать вопрос: где в этом расчёте находился житель? Кто спрашивал, какой ценой для него станет перемена границы? И какую собственную силу имело общество, чтобы его интересы пришлось учитывать?

Я не жду, что чужое государство забудет о себе ради нас. Но меня огорчает, когда мы снова удивляемся его собственным интересам. О них надо думать до того, как вся наша безопасность окажется привязана к чужой подписи.

15 Уходили раньше чем пришла катастрофа

Теперь можно вернуться к тому, ради чего я сравнивал переселения. Геноцид 1915 года не был началом всех армянских дорог. Мы уже видели уход из Карина в 1829–1830 годах, перемещения из османского Причерноморья в XIX веке, гораздо более раннее насильственное переселение в Персию. У этих событий разные причины. Но они заставляют меня смотреть на жизнь до катастрофы.

В 1915–1916 годах османские власти организовали депортации и массовое уничтожение армян. Люди погибали от убийств, голода, болезней и условий принудительного перемещения. Это геноцид, и назвать его просто очередным переселением было бы неправдой. [24]

Я не могу обвинить уничтоженных людей в том, что они недостаточно хорошо объединились. Ответственность за уничтожение принадлежит тем, кто его организовал и совершил. Но это не запрещает мне изучать, какие опасности были видны раньше, как общество на них отвечало и почему многим оставалось так мало возможностей защититься.

Меня особенно задевает лёгкость вопроса: почему они не уехали? Человек может не иметь денег, места, куда принять семью, или сил начать заново. Может надеяться. Может считать немыслимым уход из собственного дома. Оставшийся не становится виноватым оттого, что не успел спастись.

«Сорок дней Муса-Дага» Франца Верфеля важны мне и другой стороной: люди объединяются и организуют сопротивление. Роман основан на реальной обороне, хотя художественный рассказ не заменяет её документальную историю. Здесь перед нами не только страдание, но и совместное действие. [53]

Я хочу удержать обе мысли. Народ нуждается в способности предвидеть и защищаться. Преступление против него не становится оправданным, если этой способности не хватило. Требовать от себя большего и называть чужое насилие своим именем можно одновременно.

16 Республика и решения принятые за людей

В мае 1918 года появилась независимая Республика Армения. Она возникла среди войны, нужды и огромных человеческих потерь. В конце 1920 года в Армении установилась советская власть. Два с небольшим года нельзя оценить так, будто у людей были спокойствие, достаток и неограниченный выбор. Но попытка вернуть собственную государственность была. [41]

Меня волнует, как быстро после столь долгого ожидания судьба территорий снова оказалась связана с решениями более сильных участников. Для Нагорного Карабаха важны заседания Кавбюро большевистской партии 4–5 июля 1921 года. После рассмотрения решения в пользу Армении было принято решение оставить Нагорный Карабах в составе Азербайджанской ССР с широкой автономией. Автономная область была создана в 1923 году. [25, 26]

Я не буду заменять эту последовательность фразой «Сталин подарил Карабах». Историк Арсен Сапаров указывает на отсутствие прямого свидетельства единоличного сталинского распоряжения, которым обычно объясняют произошедшее. У решения были конкретные органы и участники. Назвать их точнее — не значит сделать само решение менее значимым для судьбы людей. [26]

Нахичеван получил иной правовой путь. Московский договор от 16 марта 1921 года предусматривал автономную территорию под покровительством Азербайджана. Карсский договор от 13 октября подтвердил этот статус. Советская Армения участвовала в Карсском договоре, но не была стороной Московского. Нахичеванская АССР оформилась в 1924 году. [22]

Мне важно понимать разницу между договором и партийным постановлением. Но за обоими я вижу один человеческий вопрос: насколько жители могли определять устройство своей дальнейшей жизни? Большая политическая система обещала общее будущее. Что происходило, когда внутри неё у местной общины появлялись жалобы на республиканскую власть?

Советская Армения сохраняла республиканские учреждения и территорию, однако не была независимым государством, самостоятельно проводящим внешнюю политику. В 1991 году Республика Армения восстановила независимость. [41] С этого момента вопросы к нашей собственной ответственности стали ещё настойчивее. Теперь недостаточно объяснять всё отсутствием своего государства. Нужно спрашивать, как мы им распоряжаемся.

17 Государство земля и память

Когда я слышу, что Ереван и вся нынешняя Армения объявляются исторически азербайджанскими землями, мне хочется остановить разговор и спросить: о каком времени мы говорим? О каком государстве? На какие документы опираемся? После разговора о решениях 1918–1921 годов эти вопросы особенно важны: историю государства, историю народа и историю земли нельзя считать одним и тем же.

Азербайджанская Демократическая Республика была провозглашена 28 мая 1918 года, после распада Российской империи и недолгого существования Закавказской федерации. В апреле 1920 года там установилась советская власть. В 1991 году Азербайджан восстановил независимость, объявив себя преемником республики 1918 года. Даты основания первой республики и восстановления независимости указаны и в официальных азербайджанских источниках. Это не армянская версия событий. [56, 57]

Само название «Азербайджан» значительно древнее этой республики. Исторически оно прежде всего относилось к области на северо-западе Ирана. В 1918 году его приняли как название нового государства в восточной части Южного Кавказа. Поэтому древность названия и возраст государства под этим названием — разные вопросы. [58]

Однако здесь я обязан быть справедливым. Из того, что республика возникла в 1918 году, не следует, что до этого не существовали предки азербайджанцев, их поселения и культура. Народы не рождаются в день подписания декларации независимости. Но столь же неверно переносить нынешнее государственное название на любое древнее царство или средневековый памятник, оказавшийся внутри сегодняшних границ.

С Ереваном тоже нельзя начинать историю с удобного для спора столетия. На территории нынешнего города находится Эребуни — урартская крепость, основанная Аргишти I в 782 году до нашей эры. Это урартский памятник, и называть его нужно точно. Армянская история Еревана имеет собственные письменные свидетельства: город упоминается в армянском церковном документе 607 года, задолго до Российской империи и появления современных кавказских республик. [59]

В последующие века город переживал смены власти и населения. В его истории были персидское правление, Эриванское ханство, мусульманские общины, в том числе тюркоязычные, и армянские жители. Эту сложную историю нельзя честно изложить, вычеркнув одну из её частей. Но существование ханства под персидским верховенством не означает, что Ереван принадлежал Азербайджанской республике, которой тогда ещё не было. [59]

Поэтому я возражаю против изображения армян как людей, у которых здесь якобы не было прошлого до переселений XIX века. Переселения нужно изучать, их масштабы и последствия нужно обсуждать. Но они не могут отменить более ранние свидетельства армянской жизни.

При этом важно точно передавать и слова тех, с кем споришь. В официальных азербайджанских материалах нынешнюю Армению называют «Западным Азербайджаном». Одновременно в обращении Ильхама Алиева от мая 2025 года утверждается, что требование возвращения азербайджанцев не означает территориальных претензий к Армении. Обе формулировки существуют, и добросовестный автор должен показать обе. Я же считаю, что само переименование соседней страны таким образом требует серьёзного критического разговора. [60, 61]

Я не отрицаю, что у азербайджанских семей может быть память о доме на территории нынешней Армении. Человеческая память заслуживает уважения. Но память одной семьи не должна становиться основанием для отрицания истории другого народа. Тот же принцип я обязан применять и к собственным рассуждениям.

Для меня выражение «историческая армянская земля» означает землю, связанную с документированной жизнью армян: поселениями, культурой, церковью, письменностью, государственными и общественными учреждениями. Оно само по себе не заменяет обсуждения современных границ. И обратное тоже верно: современная государственная принадлежность территории не даёт оснований объявлять всё её прошлое исключительно историей одного народа.

Я не приписываю каждому азербайджанцу взгляды политиков или авторов телевизионных выступлений. Возражать нужно против конкретных утверждений и проверять конкретные доказательства. Именно поэтому дальше я обращусь к памятникам: к тому, что можно исследовать независимо от громкости сегодняшнего спора.

18 Историю нельзя отменить заявлением

Когда я слышу заявления, будто у армян нет собственного исторического прошлого в Арцахе, мне хочется предложить простой способ разобраться: подойти к памятникам и прочитать, что на них написано.

Я родился в Арцахе. Бывал в Амарасе, фотографировался там, посещал древние храмы. Для меня это часть родины. Но я не требую, чтобы читатель принимал моё чувство за доказательство. Есть свидетельства, которые существуют независимо от моего отношения: постройки, надписи, рукописи, результаты раскопок. Именно к ним и следует обращаться.

Начну с Амараса. Основание монастыря церковная традиция связывает с Григорием Просветителем и началом IV века. Его ранняя история связана также с именем святого Григориса. Исследователи различают несколько этапов: раннюю церковь, устройство места хранения мощей в конце V века, последующие перестройки. Нынешняя церковь Святого Григориса построена в 1858 году и включает древнее сооружение под своей восточной частью. Поэтому я не стану утверждать, будто все видимые сегодня стены стоят с IV века. История Амараса гораздо сложнее — и от этого не становится менее древней. [62, 63]

Предание связывает с Амарасом открытие Месропом Маштоцем одной из первых школ, где обучали армянскому письму. Это начало V века, после создания алфавита около 405 года. Здесь важно не смешивать две даты: начало христианской святыни и появление школы. Для меня особенно значителен сам образ этого места: здесь сохраняли веру и передавали следующим поколениям письменное слово. [4, 62]

Другой ранний памятник — Цицернаванк, в районе, известном в армянском употреблении как Кашатаг, за пределами бывшей Нагорно-Карабахской автономной области. Его базилику исследователи относят к раннему Средневековью; встречается датировка V–VII веками. Точного года строительства, подтверждённого строительной надписью, у нас нет. Архитектурное исследование указывает на несколько строительных этапов. Поэтому правильнее говорить о раннесредневековом храме, чем ради красивого аргумента назначать ему определённый год IV века. [64, 65]

Я специально обращаю внимание на эти различия. Если мы хотим возражать против искажения истории, собственные утверждения должны выдерживать проверку. Нам достаточно того, что действительно известно.

Особенно убедительны памятники XIII века, где сохранились строительные надписи.

В Дадиванке главный храм — Катогике — построен в 1214 году княгиней Арзу-хатун. Надпись на армянском языке называет её, её мужа Вахтанга, правителя Атерка и Верхнего Хачена, и сыновей, память о которых она увековечила. Перед нами история конкретной семьи, сохранённая на стене храма. Дата и обстоятельства строительства представлены как в исследованиях архитектуры, так и в публикации Музея Библии в Вашингтоне. [66, 67]

Для меня в этой надписи есть и человеческая сила. Восемь столетий назад женщина потеряла близких и оставила о них память. Сегодня мы можем узнать их имена. Какое современное политическое заявление способно отменить сам факт существования этой семьи и написанного ею свидетельства?

В Гандзасаре церковь Святого Иоанна Крестителя строилась в 1216–1238 годах и была освящена в 1240 году. Её основатель — армянский князь Хасан-Джалал. Большая армянская надпись сообщает о строительстве, родственниках основателя, пожертвованиях и церковной жизни. Это не общее впечатление от архитектуры. Это текст с именами и датами, доступный для изучения. [68, 69]

Возле села Тог находится Гтчаванк. Его главный храм возведён в середине XIII века братьями-епископами Саргисом и Вртанесом, связанными с Амарасом. В монастыре докумен-

тирован хачкар Вртанеса с датой 1246 года. История Гтчаванка связана также с переписыванием и хранением рукописей. Здесь мы видим связь между монастырями, духовными лицами и книжной культурой. [70]

Есть и монастырь Егише Аракял — святого апостола Егише. Надпись на его часовне Святых Апостолов сообщает, что в 1244 году диакон Сероб построил её на основании прежнего сооружения. Эта короткая запись особенно показательна: она называет строителя и одновременно свидетельствует о более ранней постройке. При этом возраст прежнего основания нельзя произвольно определять по одной этой фразе. [71]

Амарас, Цицернаванк, Дадиванк, Гандзасар, Гтчаванк, Егише Аракял — это разные памятники, разные времена и разные виды свидетельств. Их нельзя свести к одному лозунгу. Но вместе они позволяют увидеть длительную историю христианской жизни региона и конкретные, документированные свидетельства армянской культуры.

Здесь возникает ещё один вопрос: можно ли объявить эти памятники «албанскими» и считать армянскую историю опровергнутой?

Кавказская Албания действительно существовала, имела собственную христианскую традицию и письменность. Это самостоятельный предмет исследования. Лингвисты установили, что её письменный язык принадлежал к лезгинской ветви северо-восточнокавказских языков; его ближайшим современным родственником является удинский. Поэтому слова «кавказско-албанский» и «азербайджанский» нельзя просто употреблять как взаимозаменяемые. [72]

Отношения армянской и албанской церковных традиций требуют внимательного изучения. Но само упоминание Албании не освобождает исследователя от необходимости объяснить конкретный памятник: его строительные этапы, язык надписей, происхождение заказчиков, историю общины.

Одна надпись сама по себе не рассказывает историю всего края. Однако строительную надпись нельзя игнорировать, когда она не подходит под заранее выбранный ответ. А если кто-то объявляет её поздней подделкой, он должен представить доказательства: исследование камня, письма, следов вмешательства, сопоставление с ранними описаниями и фотографиями. Политической уверенности для этого недостаточно.

Ни в IV, ни в V, ни в XIII веке Азербайджанской республики не существовало. Но главный довод для меня даже не в этом. Армянскую принадлежность конкретного памятника подтверждают его история, надписи, заказчики, церковная и культурная среда. Современная граница не меняет язык средневековой надписи.

Я не собираюсь отвечать на историческое отрицание другим отрицанием. Мне не нужно утверждать, будто у соседнего народа нет прошлого. Я требую, чтобы ради его политических задач не вычёркивали наше.

Исторический факт можно уточнить новым исследованием. Его можно опровергнуть доказательствами. Болтовнёй его переписать нельзя.

Сколько бы раз ни повторяли удобную версию с экрана, повторение не становится археологическим открытием. Смена власти над территорией не меняет имени строителя, жившего восемьсот лет назад. Современная вывеска не меняет язык надписи на стене.

Сами эти памятники не являются готовым решением всех сегодняшних территориальных споров. Но они имеют прямое отношение к вопросу, который пытаются подменить: жили ли здесь армяне, строили ли, молились ли, создавали ли свою культуру? На этот вопрос отвечают источники.

Моя позиция проста: прошлое нужно изучать с той же добросовестностью, какой мы требуем от других. Если дата спорная — назвать её спорной. Если перед нами предание — назвать его преданием. Если сохранилась строительная надпись — прочитать её и признать то, о чём она свидетельствует.

Я хочу, чтобы Амарас не терял своей школы, Гандзасар — своих строителей, Ереван — своей многовековой памяти. Чтобы читатель мог проверить мои слова. И того же требую от политиков, которые берутся объявлять чужую историю несуществующей.

19 Имена мест и судьбы людей

Когда я говорю «Арцах», для меня это родное место. В исторической книге рядом появляются названия «Карабах», «Нагорный Карабах», «НКАО». Я не хочу, чтобы читатель потерялся в них и решил, будто речь всякий раз идёт о совершенно другой земле. Но и делать их одинаковыми во всех границах нельзя.

Арцах — древнее название армянской географической традиции. Исследователи сопоставляют его с урартскими и античными названиями; этимология остаётся предметом обсуждения. Карабах — более позднее название широкого региона; распространённое объяснение соединяет тюркское qara и персидское bāgh — «чёрный сад». История слова не подменяет историю людей. [27, 28]

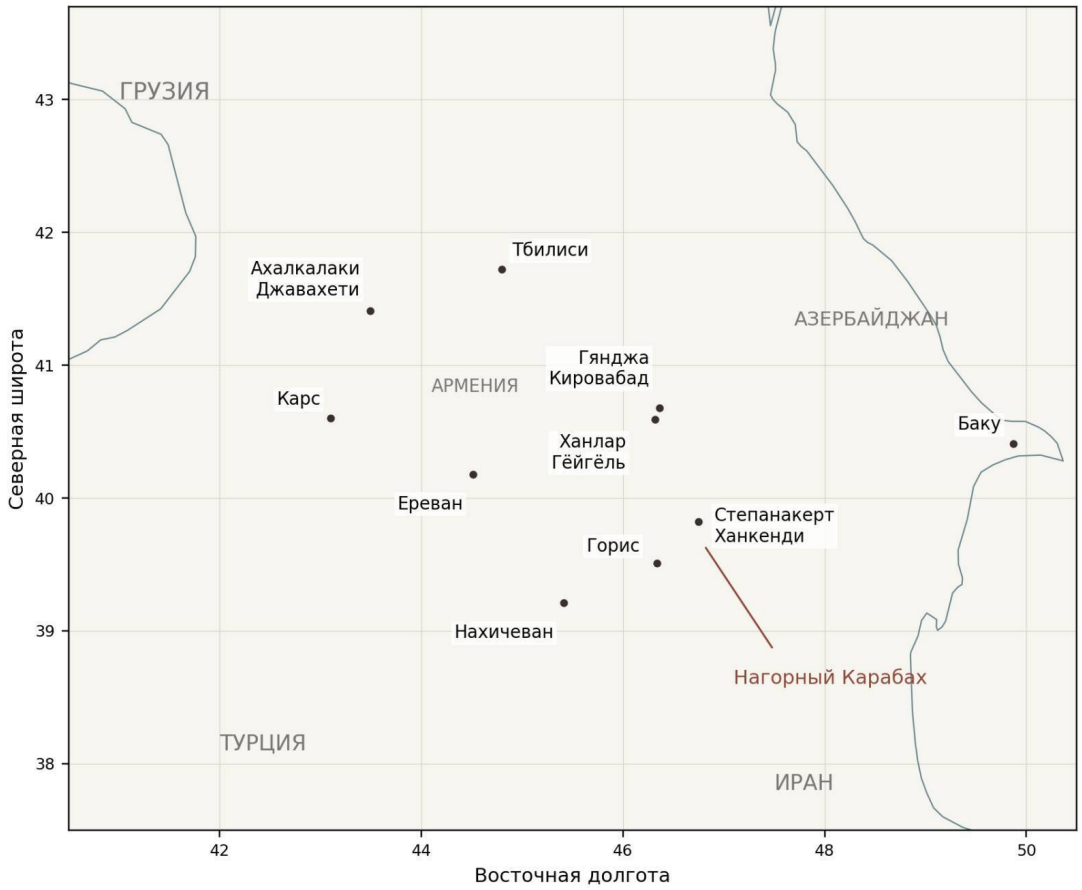
НКАО была конкретной советской автономной областью. Гандзак — Гянджа, в советское время Кировабад, — и армянские поселения Ханларского и Дашкесанского районов имеют свою местную географию. Не все места армянской жизни региона находились внутри НКАО. [29]

Я вспоминаю названия, звучавшие в наших разговорах: Геташен, Мартунашен, Кущи, Айгестан, Азат, Камо и другие. Для кого-то это строки в перечне. Для человека оттуда — место, где жили его близкие. Поэтому я оставляю эти названия в приложении, не выдавая неполный список за полный справочник.

В 1991 году операция «Кольцо» с участием советских сил и азербайджанских подразделений сопровождалась насильственным перемещением армянского населения. Геташен и Мартунашен были среди пострадавших поселений. Это уже не моё предположение о причинах отъезда, а документированный эпизод принуждения. [30]

Меня поражает переход: сначала мы говорим о жизни села, о работе и дороге, а потом — о людях, которых вынуждают его покинуть. Между этими состояниями была история. Я хочу добраться до неё, чтобы не начинать каждый разговор с последнего удара и не забывать всё, что происходило раньше.

Карта 3 География Южного Кавказа

Карта помогает различать Нахичеван на Араксе, Джавахети, район Гянджи и Нагорный Карабах. Подписи государств служат современными ориентирами. Исторические и современные границы не нанесены. Точки обозначают города, а не размеры областей. Основа: [42]; исторический контекст: [12, 22, 25, 29].

Север — сверху. Географическая сетка дана в градусах. Политические границы разных эпох не смешиваются.

20 Когда молодые не возвращаются

Я помню, как в нашей деревне ребята заканчивали школу и уезжали учиться. Потом возвращались домой на время. Раз, другой. А дальше их жизнь уже складывалась где-то ещё. Это было ещё в восьмидесятые, до открытой войны. Мне запомнилось, что молодые всё реже возвращались насовсем.

Тогда речь шла о людях, которых я знал. Теперь, оглядываясь назад, я задаю себе вопрос: когда начинается потеря села? В тот день, когда его оставляют последние жители? Или раньше, когда следующее поколение уже не связывает с ним свою жизнь?

Позднее я разговаривал с людьми, которые относили похожие процессы к шестидесятым и семидесятым годам. Они рассказывали об отъезде армян из разных мест Азербайджанской ССР, о трудностях с работой и повседневными условиями. Это рассказы собеседников, не все из них я наблюдал лично. Но именно они заставили меня искать более длинную историю происходившего.

Конечно, человек может уехать учиться и остаться там, где встретил любовь или нашёл интересную работу. Я сам знаю, что жизнь не укладывается в одну причину. Однако меня не устраивает объяснение, которое заранее объявляет любой отъезд свободным выбором и больше ничего не спрашивает.

Если у молодого человека дома нет возможности применить знания, если семье трудно обеспечить детям обычную жизнь, его билет ещё не свидетельствует о том, что всё благополучно. Уехать он смог. А остаться мог? Вот это для меня главный вопрос.

Я не утверждаю, что никто не вернулся или что все семьи пережили одно и то же. Моё воспоминание точнее и от этого не слабее: я видел, как жизнь знакомых людей постепенно уходила за пределы родного места. Позднее пришла война. Но чувство, что будущее надо искать где-то ещё, возникало у людей раньше неё.

Мне хочется, чтобы мы научились замечать такие перемены вовремя. Пустеющий дом — уже итог. До него были годы решений, которые казались частными и не связанными между собой.

21 Сначала делают трудной саму жизнь

В рассказах собеседников запомнилась простая вещь: до некоторых армянских сёл было трудно добраться, транспортного сообщения не хватало. На первый взгляд, автобус — какая мелочь рядом с вопросами границ и государственности. Но попробуй жить без возможности нормально доехать до работы, больницы или места учёбы.

Из таких рассказов и своих наблюдений я пришёл к тяжёлому выводу: вытеснять людей можно задолго до открытого насилия. Государство способно сделать повседневную жизнь настолько трудной, что люди начнут уходить сами. А потом их уход можно представить как ряд личных решений: ведь никто не стоял у каждого дома с приказом.

Именно такую последовательность я подозреваю в части историй, которые слышал об армянских общинах Азербайджанской ССР. Я говорю здесь о своём объяснении, а не о найденном мной едином приказе на все сёла и десятилетия. Для установления политики в конкретном месте нужны документы о работе, дорогах, школах, обращениях жителей и сравнении с соседними поселениями. Исследования фиксируют армянские жалобы на дискриминацию и экономическую политику республиканского центра, но одна общая справка не расскажет историю каждой семьи. [29, 31]

Меня интересует механизм: кто мог уехать раньше, уехал; кто не мог или надеялся остаться, продолжал жить в ухудшавшихся условиях. Затем открытое насилие могло лишить дома и оставшихся. Позднейшие документированные изгнания заставляют меня особенно серьёзно относиться к предшествующим жалобам. Но сами по себе не доказывают задним числом причину каждого отъезда шестидесятых годов.

Я хочу выяснять эти причины, а не замолкать из-за того, что не всё ещё собрано. Кому доставалась работа? Где ремонтировали дорогу? Какие просьбы годами оставались без ответа? Решение о судьбе общины иногда выглядит как маленькая хозяйственная резолюция.

И вот мой вывод для сегодняшнего дня: если мы думаем о сохранении народа на своей земле, заниматься нужно его возможностью жить. Одними речами о любви к родине нельзя заменить школу, заработок и уверенность, что к тебе относятся как к равному. Человек должен иметь возможность остаться, а не только обязанность терпеть.

22 Цифры которые заставляют уточнить вопрос

Когда я говорю об отъезде, естественно спросить: а что показывают переписи? Я тоже хочу это знать. Если я взялся исследовать историю, мне нужны не только цифры, которые подтверждают первое чувство.

По опубликованной сводке советских переписей, в НКАО было около 110 тысяч армян в 1959 году, 121 тысячи в 1970-м, 123 тысяч в 1979-м и 145 тысяч в 1989-м. При этом доля армян снизилась примерно с 84 до 77 процентов. Численность росла, доля уменьшалась. [32, 33]

Значит, я не могу писать, будто армянское население области непрерывно сокращалось в абсолютных числах. Такой фразой я сам ослабил бы свой рассказ. Но рост общей численности не означает, что никто не уезжал: рождения могли перекрывать потери от отъезда. А областной итог не показывает, что происходило с конкретной деревней.

Мне важно отличить одно от другого. Есть численность всего населения. Есть его распределение между сёлами и городами. Есть число уехавших. Есть причины, по которым они не вернулись. Одно число не отвечает сразу на все эти вопросы.

Кроме того, НКАО — не вся Азербайджанская ССР. А перепись 1989 года проходила уже после начала открытого конфликта. Поэтому нельзя брать её как совершенно спокойную исходную точку и переносить выводы на все армянские общины.

Я не отказываюсь от своей тревоги, когда уточняю цифры. Я хочу понять, в чём именно она подтверждается. Моё воспоминание о молодых, которые не возвращались, не исчезает. Просто теперь я знаю, какую дополнительную работу нужно сделать: смотреть конкретные поселения и поколения, а не спорить одним общим процентом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.